

Не повезло однажды князю Долгорукову в игре.

Спустил всё до-чиста, что было в карманах. На отыгрыш поставил свою Саратовскую деревушку. Как она называлась, Долгоруков хорошо не помнил. Пояснил только: «Дворов сто. В Кузнецком уезде».

– Что-ж. Согласен. У нас на Урале руки нужны, – согласился метавший банк уральский заводчик Демидов, и стала сдавать карты.

– Ваша бита, князь! – проговорил он через минуту, открывая бубновую даму.

Долгоруков встал, провел рукой по хмельной голове и, отходя от карточного стола, сказал:

– Пошлите завтра вашего стряпчего оформить.

На другой день служилый человек Демидова с таким же служилым человеком Долгорукова производили расчёт по карточным долгам своих господ.

В результате через неделю появилась купчая крепость, по которой крестьяне д. **Тютнярки**, Кузнецкого уезда, Саратовской губернии, оказались куплены «на вывод» уральских заводчиком Демидовым.

Истошным голосом ревели бабы, хмурилась и усиленно сморкались мужики, вздыхали деды над горестью родной земли, испуганно, но с любопытством смотрели дети, отправляясь в далекий путь.

Отправляли деревню на какой-то Кыштым завод. Далеко, за Волгу.

Ни один десяток мелочи-ребятишек скovyрнулось в дороге. Пришлось вырыть несколько придорожных могил старикам. Прихватило кой-кого и из среднего возраста. Но всё же 77 семейств прибыло на новое место.

Здесь их живо устроили. Купили за какие-то гроши участок земли у башкир, сунули туда переселенцев и объявили барскую ласку.

– Шесть дней на хозяина, воскресный на себя.

Солоно пришлось хлебать новым уральским жителям, поселившимся вблизи одного из красивейших и самых больших уральских озер-Увельды. Но всё таки выдержали.

Их посёлок, названный по месту прежнего жительства Кузнецким, больше известен в окрестностях под именем Тютняры.

С годами Тютняры разрослись в два больших села до 15 тысяч жителей, с жуткими для Урала, малюсеньким душевым наделом.

До революции выход был простой. Мало своей земли, арендуй у башкир, сколько хочешь. Прежнее правительство, как известно, никогда не думало защищать интересы

башкир, поэтому условия аренды их земель были до смешного льготными для русских крестьян.

Этим бесправием и забитостью башкир, а также и природными условиями целинных земель в сущности объясняется быстрый рост села Тютняр даже в условиях самой жесткой крепостной барщины, когда крестьянину давался на себя только один праздничный день в неделе.

После революции положение изменилось. Башкирские земли все отошли к Аргаяш кантону Башкирской республики. И 15 тысячное население села Кузнецкого и соседнего села Губернского осталось только на своём наделе, где с лесами и неудобью было не многим более 10 тысяч десятин.

Арендовать землю в Аргаяш-кантоне было по-прежнему можно, но условия уже был не те.

Башкиры, чувствуя поддержку у своей кантонной власти и зная безвыходное положение русских крестьян, предъявили тяжелые условия. Порой не прочь были просто жульничать. Сдадут участок в аренду одному, а потом его же продают другому, третьему. И сельхозналог тяжело пришелся. Приходилось платить и по-русски, и по башкирски. Свой рик подсчитает, объявит: столько-то со всего посева и кантисполком подсчитает: столько-то с арендованной земли.

В «Крестьянскую газету» давно уж шли одна за другой крестьянские жалобы на невозможное положение.

– Башкиры пануют, а крестьянин слёзы глотает.

– Не видит Советская власть, что у нас в краю народ вовсе разбегается.

Положение действительно оказалось тяжелое. В Тютнярах появилось немало пустых мест среди улиц.

Дело этих тютнярских и других крестьян, работавших исключительно на арендованных землях, давно уж разбиралось земельными органами Советской власти. Не один раз выезжали комиссии. Дело дошло до Центрального Исполнительного Комитета.

И теперь ещё выход из положения окончательно не найден. Но в жизни он уже наметился.

Часть крестьян, имевших заимки на арендованной башкирской земле, переселяются туда на постоянное жительство. При этом земля передается им Аргаяш-кантоном в трудовое пользование на обычных основаниях.

Такое расселение в Аргаяш-кантоне немножко облегчило и положение тех, которые остались в селах. У них после ушедших всё-таки немножко увеличился земельный надел.

За заимочниками потянулись в Аргаяш-кантон и целые селения.

Живут заимочники как будто неплохо.

На днях из таких тютнярских выходцев, Ершов Иван Васильевич, заходил в редакцию «Крестьянской газеты».

Про жизнь заимочников И. В. Ершов говорит.

– И лучше, и хуже. Не разберёшь, которого больше. Земля у нас под боком. Хватает пока. От 10 до 40 десятин на двор. Живём посёлком, 15 дворов. Верх-Теченским называется по реке Тече. От Метлина 4 версты. Тут ещё Брод-Теча – 30 дворов, Еремеевский 12 дворов, Березовский 8 дворов.

– Вику сеем. Паровое поле наполовину вот викой занимаю. Клевера раздобыть не можем.

– Только молодым скучно. Никакого просвещения и развлечения. Ячейки нет, комсомола тоже. 9 лет никто не бывал, ничего не разьясня. Вовсе бы потемки, если бы не газета.

– Теперь школу строим. Тяжеленько приходится, но вытягиваем. Кыштымское лесничество дало бесплатно 170 дерев. Своими силами вывезли, плотников наняли, кормили по очередям. Теперь школа почти готова. Рублей 700 встала, кроме своей работы. Ныне кантисполком отпустил 250 рублей на внутреннюю отделку и обещает к осени учителя послать. В сеть нашу школу ввёл. Повеселее будет! Первое это неудобство у нас на заимках: ребят без учёбы оставлять. Земли вот тоже пока хватает, а дальше как? На башкирские земли, пожалуй, не рассчитывай. Сами принимаются за хозяйство. Не как раньше.

Слушая эти разговоры, думаешь:

Ведь неплохо. Не стало прежнего рвачества с башкир. Взамен его придвинулась русская культура со школой, с неплохой обработкой земли. Не слышно стало и жалоб, что башкиры пануют, а крестьяне слезы льют. Да и мудрено допустить, чтобы башкиры могли обидеть этого крепыша-заимочника. Недаром же он потомок тех кузнецких крестьян, которые по битой долгоруковской карте пришли на Урал и ещё за время крепостничества показали удивительную силу своего роста, при самых неслыханных условиях.